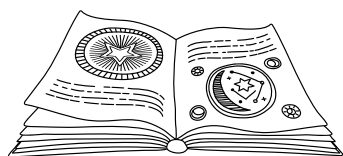

Анна Осокина

ПОД ЗНАКОМ СНЕЖНОЙ СОВЫ

Freedom

МОСКВА
2025

ЧИТАЙТЕ КНИГИ АННЫ ОСОКИНОЙ:

Цикл «Ведьмин Край»:

«Отмеченная огнем»

Продолжение следует...

Одиночные романы:

«Под знаком снежной совы»

Анна Осокина

ПОД ЗНАКОМ СНЕЖНОЙ СОВЫ

Freedom

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
О-75

Иллюстрация на обложке *Leksaart*

Художественное оформление
Анастасии Грищенко

Осокина, Анна.

О-75 Под знаком снежной совы / Анна Осокина. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Young Adult. Зов другого мира. Молодежное фэнтези).

ISBN 978-5-04-212822-6

Августа Савина живет в закрытом пансионе для девиц, куда ее отправили после загадочной смерти дедушки. Все уверены, что это был лишь несчастный случай на охоте, но Августа знает истинную причину: всему виной темная магия. И когда на нее совершает нападение злодей, она берет расследование в свои руки, чтобы найти ответы на терзающие ее вопросы. Августа отправляется в Минск, где находит подтверждение собственным догадкам: ее дедушка умел превращаться в сову, но погиб от рук темного мага, который черпает силу у демонов. Теперь Августе придется сразиться с потусторонними силами, найти верных союзников и любовь. Но сможет ли она одолеть сильнеешего из магов?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212822-6

© Анна Осокина, 2025
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ПОД ЗНАКОМ
СНЕЖНОЙ ГОРЫ

На новом месте я спала очень чутко. Все еще не могла привыкнуть, что нахожусь не в своем доме, не в своей комнате и, казалось, вообще не в своей жизни. Поэтому, когда лица коснулась ночная прохлада, мгновенно проснулась. Кто-то распахнул окно, хотя я отчетливо помнила, что на ночь его наглухо закрыли — стоял самый конец августа, и погода накануне вечером выдалась сырая и холодная.

Внимание привлек шорох. Я прислушалась со все еще закрытыми глазами. Сердце забилось быстрее. Тихие шаги. Посторонний? Или кто-то из девочек вставал по нужде, а теперь возвращается в кровать?

Распахнула веки и устремила взгляд в темную пустоту потолка, боясь шевелиться и даже дышать, чтобы не выдать того, что бодрствую. Кожа покрылась колючими мурашками. Рука осторожно поползла под подушку, где был припрятан нож. Чего только стоило незаметно стащить его под бдительным взглядом нашей кухарки тетки Сары. Неужели я оказалась права? Или это снова игра богатого воображения, как пытались убедить меня все вокруг?

Краем глаза уловила быстрое движение слева от кровати и темный силуэт, но сделать ничего не успела:

Анна Осокина

лицо резко накрыли чем-то мягким. В нос ударил запах залежалых перьев. От неожиданности я заорала, но сразу пожалела об этом, потому что подушка на лице заглушила крик, весь воздух закончился, а новый вдох сделать не получалось. Меня охватила удушающая животная паника. Я попыталась вскочить, брыкаться, но без толку. Чье-то слишком тяжелое тело оседлало меня прямо поверх одеяла, продолжая давить руками через подушку так, что нос просто не мог остаться целым. Спустя вечность моя рука наконец коснулась холодного металла. Острая боль от глубоко вонзившегося в ладонь лезвия на миг затмила даже ужас от невозможности сделать вдох. Но время было на исходе. Еще немного — и я провалюсь в холодное ничто.

Усердно перебирая пальцами, чувствовала, как они скользят из-за крови. Да! Я все-таки смогла добраться до рукоятки и, уже не обращая внимания на боль, молниеносно выбросила руку вперед. Нож наткнулся на какое-то препятствие — в ту же секунду послышался тихий мужской вскрик и грубые ругательства. Давление ослабло. Захлебываясь, я сделала глубокий болезненный вдох и закашлялась.

Убийца слетел с меня. Глухой удар об пол свидетельствовал о том, что не слишком удачно. Я подскочила с кровати, чуть не запутавшись в одеяле, сдергивая простыню, и что есть мочи закричала. Громко. Высоко. Визгливо. Как может кричать только напуганная до полусмерти девятнадцатилетняя девушка, впервые столкнувшаяся с грубой физической силой, направленной против нее. Ночной гость, спотыкаясь и зажимая рукой лицо, шатаясь, подскочил к распахнутому настежь окну и скрылся в непроглядной темноте ночи.

Под знаком снежной совы

От этого душераздирающего крика я будто сама очнулась. Другие девочки повскакивали со своих мест и спросонья смотрели на меня со смесью страха и удивления. Светильников нам не выдавали, поэтому я обводила взглядом лица в бледном лунном свете. На долгие несколько минут мы все застыли каменными статуями, будто ждали чего-то.

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился сторож — пан Якуб. Старик подслеповато щурился, пытаясь понять, что произошло.

— У вас кричали? — встревоженно пробасил он и выше поднял светильник, который держал в руке, тем самым во всей красе явив окружающим неприглядную и пугающую картину.

В звенящей тишине из моих ослабевших вдруг пальцев выпал нож и оглушающе громко звякнул об пол. Никто не шевелился. Тихо было настолько, что я слышала, как капает кровь из глубокого пореза на ладони и собирается небольшой лужицей у ног. Коса растрепалась, и мои волосы торчали во все стороны. Порядком помятый, но вроде бы не сломанный нос сильно саднил. По щекам от пережитого беззвучно катились слезы.

— Мать божья, что с тобой случилось, голубушка? — перекрестился он, подходя ближе.

Со всех сторон слышались девичьи голоса. Читать молитву перед каждым приемом пищи было обязательным ритуалом пансионата. Мой дед никогда не

отличался большой религиозностью, и я, воспитанная им с малых лет, также не относилась к истовым православным. Однако эти слова знала наизусть. Они слетали с губ сами. Мысли сейчас находились за десятки верст отсюда.

Стоя с опущенной головой, я не сразу заметила, как в столовую вошла директриса — Наталья Федоровна. Находясь здесь всего несколько дней, я уже успела понять, насколько у этой высокой и плотной черноволосой женщины стальной характер и как она держит в ежовых рукавицах не только воспитанниц, но и весь персонал.

Она терпеливо ждала, пока девицы в возрасте от семнадцати лет до двадцати одного года, коих здесь было несколько дюжин, закончат молитву. Я ощущала на себе ее взгляд и не могла отделаться от мысли, что предстоит серьезный разговор. Сцепила в замок пальцы, почувствовав резкую боль в потревоженной ладони. Спустя несколько часов кровь все еще слегка проступала сквозь повязку. После обеда придется снова ее менять.

Последнее слово молитвы было сказано чуть громче остальных и разлетелось по столовой с дружным вздохом. Я посмотрела на приближающуюся к моему месту директрису. Чутье не подвело: она действительно пришла по мою душу. Хотя нетрудно догадаться, ведь ночью из-за меня поднялся такой переполох, что никто уже не смог спать.

— Августа, — она так смотрела пронзительными черными глазами, что хотелось провалиться сквозь землю, — как закончите трапезу, я ожидаю вас в своем кабинете. Не задерживайтесь, пожалуйста.

Под знаком снежной совы

Я не могла понять, какие эмоции эта женщина сейчас испытывает. Злится на меня? Раздражена? Или ей вообще все равно? Тон был ровным и даже мягким, но я чувствовала, что это просто маскировка. Не стала строить из себя юродивую, притворяясь, будто не понимаю, о чем речь, и лишь согласно опустила голову.

Пожелав всем приятного аппетита, Наталья Федоровна покинула столовую. А я села и уставилась в тарелку с еще дымящимися ароматными щами. Помешала капусту, несколько раз подняла ложку, глядя, как с нее обратно в тарелку стекает бульон. Нет, не могу.

Разломила на две части кусок хлеба, что лежал рядом на белоснежной выглаженной салфетке, и стала пальцами разламывать на более мелкие кусочки, понемногу отправляя в рот. Есть не хотелось. Сказать по правде, я нормально не ела с самого дня смерти деда.

Кое-как осилив половину ломтика, отнесла нетронутое к специальному окну, где мы оставляли грязную посуду, порадовавшись, что не увидела в нем голову тетки Сары. Она-то уже знала про нож. Как теперь смотреть ей в глаза?

Как назло, выходя из помещения, нос к носу с ней и столкнулась, чуть не сбив. Хотя при настоящем столкновении, боюсь, я отлетела бы, даже не колыхнув эту дородную женщину с грузными бедрами.

— Простите. — Я опустила взгляд в пол, пытаясь при этом боком протиснуться в дверь. Но Сара не собиралась так просто отпустить нарушительницу. Она скрестила руки на груди, буравя меня взглядом.

Анна Осокина

— За что именно вы просите прощения? — поджала губы кухарка.

Я буквально ощущала спиной, как в меня воткнулись взгляды других девушек. Наверное, они все считают меня ненормальной. Никто не видел загадочного ночного гостя, он не оставил после себя ни единого следа. А соседки по комнате проснулись уже после того, как неудавшийся убийца скрылся. Все снова указывало на не в меру разыгравшееся воображение нервной девицы.

— За... за все, — выдавила из себя, понимая, что, если промолчу, она отсюда меня не выпустит.

Тетка Сара закатила глаза и цыкнула.

— Идите уж. И помните впредь, что кухонную утварь нельзя уносить в свои комнаты.

— Я поняла.

Боже милостивый, почему я должна оправдываться за какой-то дурацкий нож? Который, впрочем, спас мне жизнь. Что еще оставалось делать, если мне никто не верит?

Пансионат, куда меня отправил губернатор после смерти единственного родственника, был небольшим, но считался престижным. Только для благородных девиц. И хотя в Ракове, как и во всем Северо-Западном крае необъятной Российской империи, большинство населения все еще исповедовало католицизм, учебное заведение, где мне предстояло провести ближайшие два года, оставалось таким оплотом православия.

Под знаком снежной совы

Я не многое успела понять за те несколько дней, что провела здесь — пребывала не в том состоянии, чтобы слушать досужие сплетни. Однако абсолютно все знали, что наша директриса не из местных. Приехала не то из-под Москвы, не то откуда-то еще... Очень уж приятные условия создавал император Павел Петрович для русских дворян и помещиков, решивших переехать сюда. По правде говоря, мой дед и сам из приезжих. Но перебрался в Минскую губернию почти сразу после раздела Речи Посполитой, еще при императрице Екатерине Великой. Тогда у него на руках уже осталась четырехлетняя внучка. Но я совершенно не помню ни путешествия, ни того, что происходило до него.

Всю сознательную жизнь я считала своим домом Минск. Наш небольшой каменный особняк в самом городе, который всегда был моей крепостью. И фольварк¹, где расположилась фабрика по производству сахара. Бóльшая часть из тех пятисот десятин земли, принадлежавших нашей семье, засеивалась свеклой. А теперь... Что будет с фольварком, пока я нахожусь вдали от него?

Могла ли я управлять им? Да! Дед отлично меня обучил. Однако наш губернатор считал по-другому. До своего двадцати одного года — или пока не выйду замуж — я не имела права не только вмешиваться в финансовые дела поместья, но, как оказалось, и жить в нем! Естественно, все только для моего же благополучия. Дескать, негоже несовершеннолетней незамужней девице жить одной.

¹ Ф о л ь в а р к — помещичье хозяйство, усадьба.

Анна Осокина

Это больно вдвойне: потерять не только горячо любимого деда, но и дом... Всех тех, кто окружал меня. Пусть кто-то скажет, что это всего лишь крепостные, но для меня они были семьей. Моя няня Агафья, тетка Марья, наша кухарка, дед Прохор... Рабочие на фабрике. Я знала каждого из ста сорока трех душ, которыми теперь владела единолично. И все же не могла быть там. Справится ли управляющий, которого назначил губернатор в мое отсутствие? Не погубит ли производство, такими стараниями поднятое дедом?

Я сжала кулаки. Направляясь к директрисе, вспомнила недавний разговор с губернатором. На глаза навернулись слезы. Всегда такой обходительный на приемах, которые иногда устраивал мой дед, этот человек не хотел меня слушать! Дедушку убили не дикие животные, как звучало в официальной версии. Он чувствовал себя в лесу как дома! В какой-то степени лес и был для него вторым домом. Нет, ни волки, ни медведи не сотворили бы с ним такое. Это сделали люди!

Его хоронили в закрытом гробу и даже не дали попрощаться. Я не видела, что с ним стало. Но догадывалась. Поэтому сама не рвалась открыть крышку. Уж лучше я запомню его высоким, седым, но еще вовсе не старым мужчиной с коньячного цвета внимательными глазами, чем искаленным мертвым телом. Его видела моя няня. Ее состояния после того мне хватило, чтобы сделать два вывода. Первый: не нужно на это смотреть. Второй: деда убили намеренно.

Я уже подходила к кабинету, когда увидела, что дверь приоткрыта.

— Страшная смерть, — донесся смутно знакомый

